

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ СИМВОЛИЧЕСКИХ ПРОГРАММ МЫШЛЕНИЯ
И СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

**Жанна Викторовна Андриевская¹, Наталья Юрьевна Беликова²,
Руслан Нариманович Муллаширов³**

¹Ростовский государственный медицинский университет, Ростов-на-Дону, Россия,
zhandan3@gmail.com

²Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия,
belikova2003@mail.ru

³Крымский филиал Российского государственного университета правосудия, Симферополь,
Россия, mullashirov.ruslan@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена социокультурному анализу символических программ мышления и социального поведения человека в российском обществе исходя из двух подходов – диспозиционного и социокультурного. Этнонациональный контекст становится той ключевой «рабочей рамкой», в границах которой осуществляется теоретическая рефлексия данного исследования. Делается вывод о том, что мышление определяет социальное поведение человека, символические программы российского мышления внедряются в социальное поведение и деятельность.

Ключевые слова: символические программы мышления, социальное поведение, российское общество, русский человек, российское мышление, социокультурное пространство, идентичность, социокультурные архетипы, национальное самосознание, этнонациональная идентичность

Для цитирования: Андриевская Ж. В., Беликова Н. Ю., Муллаширов Р. Н. Социокультурный анализ символических программ мышления и социального поведения человека в российском обществе // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 236–241. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-236-241>

Sociology Problems

Original article

**SOCIO-CULTURAL ANALYSIS OF SYMBOLIC PROGRAMS
OF THINKING AND HUMAN SOCIAL BEHAVIOR IN RUSSIAN SOCIETY**

Zhanna V. Andrievskaya¹, Natalya Yu. Belikova², Ruslan N. Mullashirov³

¹Rostov State Medical University, Rostov-on-Don, Russia, zhandan3@gmail.com

²Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia, belikova2003@mail.ru

³Crimean branch of Russian State University of Justice, Simferopol, Russia, mullashirov.ruslan@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the sociocultural analysis of the symbolic programs of thinking and social behavior of a person in Russian society based on two approaches - dispositional and sociocultural. The ethno-national context becomes the key "working frame" within which the theoretical reflection of this study is carried out. It is concluded that thinking determines the social behavior of a person, the symbolic programs of Russian thinking are being introduced into social behavior and activities.

Keywords: symbolic thinking programs, social behavior, Russian society, Russian people, Russian thinking, sociocultural space, identity, sociocultural archetypes, national self-awareness, ethno-national identity

For citation: Andrievskaya Zh. V., Belikova N. Yu., Mullashirov R. N. Socio-cultural analysis of symbolic programs of thinking and human social behavior in Russian society. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(3):236–241. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-236-241>

В современной научной литературе рассматриваются различные аспекты, связанные с изучением символических программ мышления и социального поведения русского человека; особое внимание исследователей привлекает вопрос о специфике мышления российского общества.

Проблема специфики российского мышления – отнюдь не случайна и отнюдь не надумана. Кристаллизация исконно российского типа мышления, никак несводимого к Западному, ни к Восточному типам, шла непроторенной своей тропой через многие века. В настоящее время предпринимаются попытки построить подходы – социально-философские, общественно-исторические, социокультурные этнонациональные – к изучению особенностей мышления российского социума (строятся модели исторического исследования, исследуется мировоззрение, выявляются связи между личностным и национально-этническими началами). Однако на сегодняшний день символические программы мышления и социального поведения человека в российском социуме не стали объектом активного изучения.

Что же представляют собой символические программы мышления и социального поведения русского индивида?

Прежде всего стоит заметить, что «элементы ряда символические программы – мышление – социальное поведение оказываются элементами единой системы, функционирование которой обеспечивает продолжительное функционирование того или иного общества в долгосрочной исторической перспективе; при этом именно гармоничное функционирование системы символические программы – мышление – социальное поведение является ключевым признаком, показателем и мерилем» [1, с. 171], указывающим на уровень социально здорового устройства общества [2], его возможность и способность к социокультурному воспроизводству и стабильному социальному развитию на перспективу [3].

Символические программы мышления и социального поведения русского человека являются проявлениями особенностей российского социокультурного пространства, и при этом данные программы проявляют самобытность русского человека и его социально-философские основания жизнедеятельности, что находит прямое отражение в его непосредственном поведении. Эти социокультурные архетипы являются базисными элементами российского культурного пространства, формирующими константные (или же инвариантные) модели социальной и духовной жизни народа, и составляют уникальную систему социокультурного пространства российского общества, прошедшего тысячелетний путь своего формирования.

Символические программы, как нормативное ядро коллективного (общественного) бессознательного, играют роль фона определенных норм, традиций, в рамках которого осуществляется социальная жизнедеятельность людей и их социокультурного символизма, проявляющегося в «ритуальности», установленном порядке и автоматизированных программ мышления и социального поведения [1].

В социокультурном анализе символических программ мышления и регуляторов социального поведения человека кроются, как минимум, два подхода – диспозиционный и социокультурный.

Первый (диспозиционный) подход подразумевает анализ внутренних регуляторов социального поведения человека, связанных с определенными внутренними социально-культурными установками, ценностями, духовно-нравственными ориентирами, регулируемыми символические программы мышления и паттерны социального поведения человека. Заметим, что под диспозицией подразумевается «личностная предрасположенность индивида к восприятию ситуации и сложившихся условий деятельности, устойчивая склонность к выбору определенной формы поведения в этих условиях» [4, с. 54].

Второй – социокультурный подход уделяет внимание анализу внешних регуляторов социального поведения, связанных с социокультурными нормами и традициями социального поведения, «функциональных в прошлом и помогающих выбирать инструментальные формы поведения в настоящем» [5, с. 11]. Это связано с тем, что «интерпретация социальной ситуации и соответствующее социальное поведение как реакция человека на социальную ситуацию и на внешние социальные изменения в виде совокупности социальных действий, направленных на поддержание социального существования или адаптацию к социальной среде, осуществляются на основе ментальной программы» [5, с. 11].

Имеющийся спектр научных публикаций в рамках данного проблемного поля, показывает, что символические программы мышления и социального поведения человека в российском социуме исследованы, прежде всего, в аспекте широкого контекста разнообразных этнических специфик, которые образуют «рабочую рамку», в границах которой происходит, производится широкое осмысление особенностей характерно российского мышления и программ социального поведения.

Именно этнический или этнонациональный контекст становится той ключевой «рабочей рамкой», в границах которой осуществляется теоретическая рефлексия данного исследования: «никто не отыщет удачно природу вещи в ней же самой», и, как следствие, именно внешний этнический горизонт оказывается той важнейшей методологической предпосылкой для обеспечения исследования.

И в этом плане следует отметить, что важную роль в формировании символических программ мышления и социального поведения играет формирование национального сознания и национального самосознания, поскольку понимание менталитета – зиждется на феномене сознания, в том виде, в котором он влияет на мышление.

О. С. Парфенова указывает, что «оперируя понятием национального самосознания, следует уточнить, что мы понимаем под ним то, как нация рассматриваемого государства, его народонаселение, относится к себе, как себя воспринимает, гордится ли своей страной, стыдится ли её положения на мировой арене. Соответственно, элементами, формирующими национальное самосознание, можно считать и национальные ценности, такие как язык, культуру нации и национальное достояние» [6, с. 165]. В связи с этим российское национальное мышление погружено в объемлющий контекст общественного самосознания.

В. Ж. Келле справедливо замечает, что «в развитии общественного сознания присутствуют две тенденции – познавательная и идеологическая, которые пронизывают общественное сознание, но по-своему сочетаются в каждой из его форм» [7, с. 122].

Познавательный элемент общественного сознания оказывается уже навсегда неискоренимым – будущее имеют только те народы, которые прочно связали себя с наукой в её западном понимании, и тем самым, могут реагировать на современные вызовы и угрозы – как локальные, так и глобальные: «в этих условиях вполне правомерно ставить вопрос не просто о научной, но об интеллектуальной культуре, включающей и науку как ее ядро, и ее диффузию в общественное сознание, и все создаваемое на базе научного знания» [7, с. 189]; в этом смысле интеллектуальная культура оказывается важнейшим элементом общественного сознания.

Тем самым русское общественное сознание оказывается своего рода гибридным – переняв Западную науку и соответствующий тип рациональности, оно, вместе с тем, остается самобытным и сохраняет свою уникальность. Вместе с тем, оно открыто Восточным наукам и практикам – достаточно вспомнить популярность йоги в России, легализацию практики акупунктуры и пр.

Этнические архетипы, взятые как абстрактно, так и в конкретике российского социокультурного пространства, выявляют архетипические основания моделей социокультурного дискурса, базирующегося на различных этнических архетипах, выстраивающихся на типологии культур по основанию архетипов [8].

Э.М. Колчева пишет: «архетипы как «коллективные паттерны» составляют содержание коллективного бессознательного»; архетипами являются те ли иные символы, которые «осаждаются» на коллективном бессознательном; они продолжают «жить» и функционировать в культуре даже тогда, когда утрачивают свою формальную актуальность; при этом «актуализация архетипа служит включению культурного опыта в новые исторические реалии», и именно этот механизм обеспечивает целостность общественно-исторического опыта человечества [9, с. 255-257]. В этой связи принято говорить о коллективном бессознательном, в том числе и русском коллективном бессознательном.

В рамках социальной антропологии изучается этническая, национальная и социокультурная идентичность; проводится изучение этнической идентичности и специфически русской идентичности; выявляются возможные соотношения между этническим самосознанием, этнической идентичностью и русской идеей [10].

Южнороссийские исследователи Ю.Г. Волков и А.В. Лубский в рамках общероссийской идентичности выделяют этнонациональную идентичность и национально-гражданскую идентичность, подчеркивая «многокомпонентную модель общероссийской идентичности», позволяющей «выявить не только универсальное и партикулярное, присущее различным социальным и коллективным идентичностям, носящим симбиотический характер, но и показать их особенности», специфику социального поведения и мышления различных представителей социальных и этнических групп [11, с. 64].

Идентичность также рассматривается в политическом контексте, и в социальном: так, например, «для многих западных исследователей стало большой неожиданностью то обстоятельство, что некоторые русские люди с трудом идентифицируют себя со своей этнической группой. Русские веками жили в империи (сначала царской, затем советской) и поэтому привыкли отождествлять себя с более глобальными сообществами» [12], в чём вольно-невольно допустимо усмотреть корни русского космизма, устремления в Всеединству, общинности, интернационализма и пр. [13].

Ю.А. Шубин сообщает: «Категория «идентичность» употребляется в значении «тождественность», «одинаковость». Это центральное понятие личности, в котором проявляется неразрывная связь человека с окружающим его социальным и культурным миром» [14, с. 42]. Национально-культурная идентичность русского человека состоит, прежде всего, в тех аспектах его жизнедеятельности, в которых проявляется его единение с общенациональным началом, в тех моментах его жизни, когда просыпается его единство с русским миром вообще. Это и национальные праздники, и собственный день рождения – в общем всё, что, так или иначе, связано с родовыми (генетическими) аспектами и моментами его жизни.

Приобщаясь к общенациональному социокультурному началу, русский человек понимает это последнее как предельный контекст своей жизни вообще, нация для него – семья: напротив же, реальная «невозможность отождествить себя в социальном плане (маргинальность) порождает внутрилличностные конфликты, разрушает образ «я», стимулирует процессы негативной социальной идентичности – в форме наркомании, проституции, алкоголизма» [14, с. 42] – в этом смысле всякий человек нуждается в некотором национальном контексте, и русский человек – отнюдь не исключение. Эта необходимость наличия некоего национального, надличностного «мы», как в контексте которого мыслит себя русский человек, приводит к выработке широкого спектра средств консолидации общества; это и купание в проруби, и георгиевские ленточки, и общенациональные праздники, и шествие «бессмертного полка», и создание особого национального образа в каналах медиа и пр. При этом именно праздники оказываются теми интегрирующими механизмами, которые связывают отдельные «я» в целостное «мы», именно праздники задают тот календарный фон, на котором происходят события единения людей в рамках национального начала. Будучи своего рода «маховым колесом» цивилизации, национально-культурная идентичность воплощает себя в календарных праздниках, находит в них своё отражение и отображение, проявление; календарные праздники при этом оказываются «конденсатом» исторического опыта нации.

Таким образом, подводя итог данной публикации, социо-культурологические и социально-антропологические исследования специфик символических программ мышления и социального поведения изучают проблемы этнонациональных типов идентичности; справляясь с этим достаточно успешно, эти исследования, тем не менее, не вскрыли взаимосвязь между этническими типами рациональности и символическими программами.

А ведь именно способ реагирования на те или иные социальные ситуации есть та сущность, которая самым теснейшим образом связана с типом рациональности той или иной этнической общности, определяя облик и существо этого типа рациональности; при этом сама рациональность теснейшим образом связана с мышлением человека, и проявляется в характерных особенностях этого мышления, уже всегда предпосланных этническими основаниями.

Мышление, будучи ключевым фактором, определяющим социальное поведение человека, есть ключ к исследованию символических программ – взятых ли самим по себе, взятых ли в контексте поведения и деятельности, упорядочиваемых символическими программами – эти последние внедряются в социальное поведение и деятельность именно через мышление, определяя логику построения данного поведения и деятельности.

Список источников

1. Андриевская Ж.В. Символические программы «Мышление» и «Социальное поведение»: соотношение феноменов // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9 (43). №3.
2. Гафиятулина Н.Х., Барановский С.Б., Самыгин С.И. Угроза общественной безопасности как фактор влияния на социальное здоровье российской студенческой молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 6. С. 25-29.
3. Жукова Е.Д. Сущность и содержание понятия «социокультурное воспроизводство» // Человек в мире культуры. 2015. №3. С. 9-18.
4. Касьянов В.В., Гафиятулина Н.Х., Самыгин С.И. Особенности и проблемы социального поведения в условиях режима самоизоляции российского населения // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. №2. С. 51-63.
5. Ментальные программы и модальные модели социального поведения на Юге России: монография / отв. Ред. А.В. Лубский. М.: Социально-гуманитарные знания, 2017. 396 с.
6. Парфёнова, О. С. Роль национального самосознания в системе национальной безопасности // Казанский педагогический журнал. 2015. № 6. С. 165.
7. Келле В.Ж. Интеллектуальное и духовное начала в культуре. Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН. 2011, С. 122.
8. Лукьянов, А. Типология и согласование культур по основанию их архетипов. М.: «Прогресс – культура», 1995. 174 с.
9. Колчева Э.М. Понятие «культурный архетип» как инструментальный анализа национального искусства // Знание. Понимание. Умение. 2015. №1. С. 254-263.
10. Андреев Э.М. Социально-культурная идентификация: методологические проблемы исследования и реализации // Вестник Казанского технологического университета. 2012. С. 94-98.
11. Волков Ю.Г., Лубский А.В. Российская реальность в пространстве социологического дискурса: монография в двух книгах. Книга 2. Ростов-н/Д. – Таганрог. 2019. 384 с.
12. Смирнова А.Г., Киселев И.Ю. Идентичность в меняющемся мире / Науч. ред. проф. В.Е. Семенов; Яросл. гос. ун-т. Ярославль, 2002, С. 257.
13. Смирнов А.В. Проблемы русской культурной идентичности // Русская история и русский характер: матер, межд. конф. СПб., 2002. С. 85-93.
14. Шубин Ю.А. Национально-культурная идентичность как проблема современной культурологии // Вестник МГУКИ. 2011. 4 (42). С. 42.

References

1. Andrievskaya Zh.V. Symbolic programs «Thinking» and «Social Behavior»: correlation of phenomena. *Hymanitarij Yuga Rossii=Humanitarian of the South of Russia*. 2020; 9 (43). (3). (In Russ.)
2. Gafiatulina N.Kh., Baranovsky S.B., Samygin S.I. A threat to public safety as a factor influencing the social health of Russian student youth. *Hymanitarnyye, socialno-ekonomicheskie i socialnyie nauki=Humanitarian, socio-economic and social sciences*. 2018; (6): 25-29. (In Russ.)
3. Zhukova E.D. The essence and content of the concept of «socio-cultural reproduction». *Chelovek v mire klynyryi=Man in the world of culture*. 2015; (3): 9-18. (In Russ.)
4. Kasyanov V.V., Gafiatulina N.Kh., Samygin S.I. Features and problems of social behavior in the conditions of the regime of self-isolation of the Russian population. *Hymanitarij Yuga Rossii=Humanitarian of the South of Russia*. 2020; 9. (2): 51-63. (In Russ.)
5. Mental programs and modal models of social behavior in the South of Russia: monograph. Ed. A.V. Lubsky. Moscow: Social and humanitarian knowledge, 2017. 396 p. (In Russ.)
6. Parfenova, O. S. The role of national identity in the system of national security. *Kazanskiy pedagogicheskij journal=Kazan Pedagogical Journal*. 2015; (6): 165. (In Russ.)
7. Kelle V.Zh. Intellectual and spiritual principles in culture. Ros. acad. Sciences, Institute of Philosophy. M.: IFRAN, 2011, p. 122. (In Russ.)
8. Lukyanov, A. Typology and harmonization of cultures based on their archetypes / A. Lukyanov. M.: "Progress - culture", 1995. 174 p. (In Russ.)
9. Kolcheva E.M. The concept of "cultural archetype" as a tool for the analysis of national art. *Znanie. Ponimanie. Ymenie=Knowledge. Understanding. Skill*. 2015; (1): 254-263.

10. Andreev E.M. Socio-cultural identification: methodological problems of research and implementation. *Vestnik Kazanskogo tehnicheskogo eniversiteta=Bulletin of the Kazan Technological University*. 2012.: 94-98. (In Russ.)
11. Volkov Yu.G., Lubkiy A.V. Russian reality in the space of sociological discourse: a monograph in two books. Book 2. Rostov-n / D. - Taganrog. 2019. 384 p. (In Russ.)
12. Smirnova A.G., Kiselev I.Yu. Identity in a changing world / Nauch. ed. prof. V.E. Semenov; Yaroslavl state un-t. Yaroslavl, 2002: 257. (In Russ.)
13. Smirnov A.V. Problems of Russian cultural identity. In: *Russian history and Russian character: mater, int. conf.* SPb., 2002: 85-93. (In Russ.)
14. Shubin, Yu.A. National-cultural identity as a problem of modern cultural studies. *Vestnik MGYKI=Vestnik MGUKI*. 2011. 4 (42): 42. (In Russ.)

Информация об авторах

Ж. В. Андриевская – канд. психолог. наук, доц. РГМУ;
 Н. Ю. Беликова – канд. ист. наук, доц. КГТУ;
 Р. Н. Муллаширов – ст. преп. Крымского филиала РГУП.

Information about the authors

Zh. V. Andrievskaya – PhD in Psychology, Associate Professor of Rostov State Medical University;
 N. Yu. Belikova – Ph.D. in Historical Sciences, Associate Professor of Kuban State Technological University;
 R. N. Mullashirov – Senior Lecturer of Crimean branch of Russian State University of Justice.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
 Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.08.2022; одобрена после рецензирования 09.09.2022; принята к публикации 12.09.2022.

The article was submitted 25.08.2022; approved after reviewing 09.09.2022; accepted for publication 12.09.2022.